

Повесть Л.Н. Толстого “Казачи” в свете литературной традиции

Обращение Л.Н. Толстого в 1861-1862 гг. к теме Кавказа имеет под собой несколько причин: с одной стороны писатель сам некоторое время находился на Кавказе и чувствовал потребность изложения накопившихся впечатлений, с другой – ощущая необходимость разработки кавказской тематики, Толстой не мог не учитывать богатую литературную традицию представленную именами Пушкина (“Цыганы”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”), Лермонтова (“Демон”, “Герой нашего времени”), Бестужева-Марлинского (“Аммалат-Бек”) и др. Однако создание “Казачков” имело под собой глубоко полемические цели: Толстой стремился не столько использовать существовавшие до него подходы, сколько опровергнуть их и предложить свой.

Толстой опирается на две существовавшие традиции: натуралистическую и романтическую. Поскольку вторая несомненно более важна, попытаемся разобраться сначала с ней. Как отмечает Б.М. Эйхенбаум “Основной пафос молодого Толстого – в отрицании романтических шаблонов как в области стиля, так и в области жанра”.¹ Однако более адекватными представляются более поздние исследования этого вопроса, которые в большинстве своем указывают на осмысления Толстым романтизма как на необходимый момент становления его реалистического метода, определенный этап его творческой эволюции (Г.Н. Ищук, Н.К. Гей). Конечно, поздний Толстой пришел к безоговорочному отрицанию романтизма как метода, видя в нем “грубый эгоизм”, фальшь и искажение реально существующих отношений. Однако создавая “Казачков” Толстой ставил перед собой и своего рода “экспериментальные” задачи: исследуя природу романтической души найти свой собственный метод изображения и, поняв сущность романтического героя, принять его или отказаться. Как видим, он выбрал второй путь.

---

¹ Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Пг.-Берлин. - 1922. - С.58, 63.

В числе первичных источников повести, которые называет нам сам Толстой, находится поэма А.С. Пушкина “Цыганы”: Толстой, судя по дневниковым записям, в разное время подходил к этой поэме неоднозначно, однако окончательное его понимание было в высшей степени положительно: “В Пушкине меня поразили “Цыганы”, которых, странно, я не понимал до сих пор”. Первая сходная черта в этих произведениях, которая бросается в глаза – корреляция имен главных героев (Алеко/Оленин). Зачем это нужно Толстому? Очевидно, что автор хочет показать нам и схожесть мировоззрения героев, схожесть конфликта, в который они вступают. Однако Толстой “заимствуя” романтического героя у Пушкина помещает его в совсем иное контекстуальное окружение.

Первой, отличительной чертой, будет являться то, Алеко бежит к цыганам не по своей воле: “Его преследует закон”. Бегство Оленина носит сознательных характер и причиной его является внутренний разлад с московской средой. Сходная ситуация позднее положит начало духовным поискам Андрея Болконского. По дороге на Кавказ Оленин думает: “Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в общество”. Заслуживают внимание и мысли героя о самом Кавказе, имеющие явную романтическую окрашенность: “Все мечты о будущем соединялись с образами Амалат-беков, черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей”. Как будет ясно в дальнейшем, все это лишь выдумка, существующая в романтизированном сознании Оленина. Несмотря на намек Пушкина о принудительном характере изгнания Алеко, этот герой сближается с толстовским по линии отношения к городской жизни: “Любви стыдятся, мысли гонят, / Торгуют волею своей...” Касательно начала повести необходимо также заметить, что здесь Толстой идет в русле романтической традиции: имеется главный персонаж, которому уделено все внимание автора, именно через призму этого персонажа и дается весь окружающий мир, который существует только потому, что существует романтическая натура, способная так или иначе его воспринимать. Однако начиная с 4-й главы перед нами уже совершенно другая ситуация: автор вводит

нас в мир казаков, Оленин уходит, не мешая читателю рассматривать причудливый быт незнакомого народа, вводятся дополнительные фигуры, равновеликие по авторскому интересу самому Оленину.

Второй чертой, сближающей облики Алеко и Оленина, будет их поведение в новой окружающей среде: Пушкин дает нам детальное описание жизни Алеко среди цыган: “Проснувшись поутру, свой день / Он отдавал на волю бога...” Оленин ведет подобную же праздную жизнь: “Легко ли в рабочую пору ходить зайцев искать!” — замечает ему бабука Улита, когда он идет на охоту во время непрерывной работы казаков. Однако Толстой опять же отходит от романтизма показывая нам своего героя не только через деятельность, но и через диалоги с другими персонажами, прежде всего с Ерошкой, который олицетворяет мудрость казаков и во многом помогает Оленину понять свое положение.

Отличий между Алеко и Олениным оказывает гораздо больше и принципиальным будет являться их противопоставление по линии статичности/динамичности характера. Алеко предстает нам сформированным и вряд ли развивающимся персонажем. Пушкин сам указывает нам, что по прошествии двух лет в таборе “все тот же он; семья все та же”. Оленин же нарисован в соответствии с духом толстовского реализма, вылившегося в свое время в принцип “диалектики души”: это герой ищущий, изменяющийся, в жизни которого можно выделить несколько эпох. Читатель становится свидетелем коренного перелома в его жизни: он начинает осмыслять всю пошлость окружавшего его мира и всю красоту и гармонию мира нового, естественного.

В соответствии с этим разнится и отношение героев к любви и своим возлюбленным. Если для Алеко Земфира оказывается женщиной, на которую он имеет полное право, и он нисколько не рефлексировал по поводу своего отношения к ней до появления любовника, а едва ли не единственным эпитетом, характеризующим ее красоту является “черноокая”, то для Оленина Марьяна является своего рода высшим существом, носителем истинной правды жизни, персонажем сходным Платону Каратаеву и его ролью в жизни Пьера

Безухова. Оленин, в отличие от Алеко, долгое время наблюдает за Марьяной, анализирует свои чувства к ней. Конечно, нельзя сказать, что Алеко совершенно лишен рефлексии, поскольку нам показаны его переживания и предчувствия, но по сравнению с Олениным его степень анализирования себя просто ничтожна. В обоих случаях мы имеем любовный треугольник: Алеко – Земфира – некий цыган (без имени!) и Оленин – Марьяна – Лукашка. Однако взаимоотношения между элементами этого треугольника в случае Толстого неизмеримо сложнее: Алеко и любовник Земфиры встречаются только один раз, который оказывается последним для цыгана, никакого словесного контакта между ними нет, кроме случайных реплик. Отношения Оленина и Лукашки строятся очень сложно: отчасти на основе личной неприязни из-за Марьяны, отчасти на непонимании друг друга из-за разницы культур.

Наконец, финал Алеко и Оленина сходен и в то же время различен. Здесь мы подходим к ключевому моменту, определяющем идейную структуру текста, — центральному конфликту. Очевиден параллелизм между конфликтом в “Цыганах” и конфликтом в “Казаках”: в обоих случаях это противопоставление цивилизованного человека, затравленного самоанализом и стремлением постичь мир, и человека естественного, простого, включенного в столь же простую среду. Оба героя стремятся слиться со средой, Алеко хочет стать цыганом, Оленин – казаком. Однако оба они априори не могут достичь реализации своего желания. Фатальная невозможность слияния героев со средой закономерно вытекает из противопоставления гораздо более общего, даже символического, — противопоставления двух культур, двух типов исторического развития: естественного и цивилизованного. Алеко не смог включиться в мир цыган, поскольку совершил несовместимый с их понятиями поступок: убил жену и ее любовника. Для цыган подобное поведение непонятно, ибо старик утверждает аксиому о том, что в молодости все девушки ветрены, а убийство является тяжким преступлением, поскольку мир цыган – мир гармоничный, где все уравновешено и не противится одно другому. Не случайно Алеко не ждет мести, его просто изгоняют из табора. Сходная

ситуация и с Олениным: эпизод с подаренной Лукашке лошадью наглядно показывает нам несовместимость понятий русского офицера и казака. Так оценивают этот подарок в станице: “Поглядим, поглядим, что из него будет”, “Экой народ продувной из юнкирей, беда!.. Как раз подожжет или что.” Его мечты сделаться казаком непонятны Марьяне, и безуспешность этих попыток показана Толстым даже в его внешнем облике: Оленин стремится одеваться под казаков, которые в свою очередь подражают чеченцам, но автор постоянно замечает, что обмундирование Оленина похоже на казачье, но всякий опытный взгляд сразу же признает в нем русского офицера. “Русский офицер” становится своего рода клеймом, которое вынужден нести Оленин не в силах от него избавиться. Однако, в отличие от Алеко, Оленин сам понимает свою несовместимость с миром казаков, его никто не прогоняет, поскольку он не совершил ничего плохого, но разлад здесь носит гораздо более глубинный характер: он в душе героя, который не в силах избавиться от природного начала (“не мог забыть себя и своего сложного, негармонического, уродливого прошлого”) оказывается в онтологическом противоречии со средой его окружающей. Разлад, таким образом, носит аксиологический характер: сталкиваются два миропонимания, две системы ценностей. Не случайна в этом отношении сцена с убитым Лукашкой абреком: Оленин не может понять, почему казаку доставляет такую радость убивать. Для него, провозгласившего благодаря новому миру высшей ценностью сострадание и помощь другим, такое поведение непонятно, так же как Лукашке непонятен подарок Оленина сделанный из сострадания. В этом отношении толстовская повесть, несомненно, сложнее пушкинской поэмы.

Помимо “Цыган” имелись и другие источники, например повесть “Аммалат-Бек” Бестужева-Марлинского. Реминисценции на эту тему начинаются уже с заголовка: “Казаки. Кавказская повесть 1852 года”, ср.: “Аммалат-Бек. Кавказская быль 1819 года”. Процитированный выше отрывок, показывающий нам восприятие Кавказа героем в начале путешествия, является своеобразным маркером его понимания казаков. В течение жизни в станице у него

вырабатывается совсем иное отношение, второй раз упоминается имя Аммалат-Бека, но теперь герой уже понимает, что ничего этого нет в том мире, в который он попал. Толстой вступает в полемику с Бестужевым и предлагает нам свое понимание мира казаков, без яростных страстей, убийств и рек крови. Противопоставление носит скрытый характер и проявляет себя в том числе на уровне образной системы: благодушного старика Ерошку явно можно поставить в оппозиции бестужевскому Султан-Ахмет-Хану, одержимому идеей мести и непримиримой борьбы с русскими. По Толстому, мир казаком, как и всякий естественный мир, это в первую очередь гармония. Оленин начинает это чувствовать еще при въезде, когда видит горы: “он мало-помалу начал вникать в эту красоту и *почувствовал* горы”. Гармоничность и устроенность станичного быта – вот то главное, что изображает нам Толстой, и почти не показывает Бестужев. Герои Толстого не предаются таким страстям, которые мы видели в “Аммалат-Беке”, здесь нет кровавой мести и убийств, но есть детальные описания быта, природы, уклада жизни.

Отчасти полемизирует Толстой и с Лермонтовым, в первую очередь в понимании кавказской женщины и ее роли в быту. Женщины казачьей станицы это уже не странная Бэла и не столь же загадочная Тамара, Толстой показывает нам крайне живые и пластичные образы реальных женщин: Марьяны, бабуки Улитки, подруг Марьяны. Большое внимание автор уделяет роли женщин в казачьем быту, их незаменимости в жизни воюющих мужчин: “Женщины большею частию и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков”. Простота и гармоничность их внутреннего облика – вот что важно для автора, и становится столь же важно для Оленина в Марьяне. Марьяна, да и другие казаки, — статичные типы, они не подвержены разрушительной оленинской рефлексии, и именно в этом их красота. Сцена отказа Марьяны от предложения руки и сердца Олениным занимает всего лишь несколько строк, для нее есть очевидные причины, по которым брак невозможен: разница положений и присутствие Лукашки. Толстой неоднократно подчеркивает естественность Марьяны, уделяя ее облику столько же внимания, сколько и персонажам

мужского пола. Несколько иная картина была в традиционной литературе на эту тему: женщина всегда показывалась как персонаж если не второстепенный, то по крайней мере менее значимый, нежели главный герой, зачастую играющий большую роль в его жизни, но служащий лишь иллюстрацией к этой жизни, своеобразным материалом для раскрытия характера, поводом для дальнейшего повествования (Лермонтов, Бестужев-Марлинский).

Таким образом, становится очевидным, что Толстой переосмысляет романтическую традицию и во многом полемизирует с ней, предлагая собственные пути решения уже разработанных проблем.

Обратимся теперь к рассмотрению упомянутой выше традиции натуральной школы. Согласно ней, упор при создании произведения, имеющего целью показать некий уклад жизни, тех же казаков или кого-то другого, следует делать на бытописание, этнографические подробности и фактографические детали. Посмотрим, следует ли этой традиции Толстой. На первый взгляд, конечно, следует: множество подробностей из быта казаков, обильно используемые диалектизмы (“поршни”, “кобылка”, “пружок”, “посидеть” и т.п.), описания природы и станичных вечеров, все это, несомненно, наталкивает на мысль о знакомых “физиологиях”. Однако, несомненно и то, что простым бытописанием дело не ограничивается. Недаром Н. Берковский позволил себе сравнить “Казаков” с гомеровским эпосом. В чем же повод для такого сравнения? Скорее всего – в людях. Понятно, что следуя традиции Толстой должен был заострить внимание на укладе жизни казаков, из распорядке дня, традициях и т.п. Все это есть, но есть и другое – живая жизнь, которая развивается и течет прямо сейчас, а не в историческом “всегда”. Именно за счет живых характеров, присутствия сильного конфликтного начала, и не сливаются в единую серую массу многочисленные рассуждения автора о казаках, описания природы и т.п., поскольку описания эти зачастую слиты с чувствами Оленина (лес), Лукашки (ночь в засаде) и других героев, казацкая жизнь показана нам сквозь призму нового человека в ней – Оленина, который знакомится вместе с читателем с

неизвестным ему миром. Широта охвата действительности, одновременное внимание к мельчайшим деталям, показ уклада жизни и героев в нем, все это и есть эпос столь свойственный Толстому, своеобразный подход к “Войне и миру”.